

ПРИТЧИ ПРИЕМНОГО ПОКОЯ

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

Андрей Леонович Шляхов

Притчи приемного покоя

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68803788

Аннотация

Здесь вершатся судьбы и выставляются диагнозы. Здесь жизнь бьет ключом и покой всем только снится. Что наша жизнь? Суета за пределами приемного покоя! Эта книга не о Приемном Покое, а о тех путях, которые приводят сюда людей и, конечно же, о любви.

Содержание

Предисловие	6
Притча первая. Художник и дева	8
Притча вторая. Застенчивый герой	21
Притча третья. Гурманка и самурай	36
Притча четвертая. Любовь – обман	54
Притча пятая. Принцесса и рыцарь	66
Притча шестая. Наваждение	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Шляхов

Притчи приемного покоя

Владимиру Данилову, доктору, человеку и персонажу

Соблюдая установленные традиции, автор сообщает своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых рассказывается в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны... Но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может. Относительно того, что герои иногда употребляют спиртные напитки или курят, можно сказать только одно – эти вредные привычки до добра не доводят, но при всем том являются частью нашего нынешнего бытия, а из песни, как известно, слова не выкинешь.

Притча – это короткий назидательный рассказ, заключающий в себе нравственное поучение.

Предисловие

Приемный покой – место встреч и расставаний.

Здесь вершатся судьбы и выставляются диагнозы.

Здесь сталкиваются друг с другом представители различных кругов общества.

Здесь жизнь бьет ключом и покой (в другом смысле слова) всем только снится.

Здесь истина торжествует над неведением, а жизнь пытается восторжествовать над смертью (и нередко ей это удается).

Здесь нет плохих и хороших, добрых и злых, успешных и неуспешных, здесь есть только медики и пациенты (родственники пациентов не в счет, потому что о них не пишут в историях болезни).

Здесь все, как в жизни, и, в то же время, все по-другому.

Оставь надежду всяк сюда входящий, потому что вместо надежды ты получишь прогноз, непременно прилагающийся к каждому диагнозу...

Истории, вошедшие в эту книгу, начинались в разных местах и при различных обстоятельствах. Но все они стали частью той истории человечества, которая пишется в приемных покоях, и это их объединяет.

Предопределенное неизбежно, а неизбежное предопределено.

Что наша жизнь? Игра! Суета за пределами приемного покоя!

Эта книга не о Приемном Покое, а о тех путях, которые приводят сюда людей и, конечно же, о любви.

Притча первая. Художник и дева

*«Дева, не спрашивай
Ясными взорами,
Зачем так робко я
Гляжу на дивные
Твои формы?
Зачем любовь ко мне
Волной серебряной
Катится в грудь?
Ты – легкая, юная,
Как первая серна
У струй Евфрата...»*
Афанасий Фет, «Художник к деве»

Счастье пришло к Леночке в солнечный майский день, сразу же после выхода из главного корпуса универа.

– Девушка! – сказал над ухом приятный мужской баритон. – Только вы можете меня спасти!

Леночка инстинктивно прижала к себе сумку поплотнее и только потом посмотрела на нуждавшегося в спасении. Вполне себе ничего – симпатичный, высокий, улыбка приятная... Нос, правда, картошкой, но и Леночкиному профилю было далеко до классических пропорций. Аромат хорошего парфюма, «неймовые» джинсы и стильные мокасины намекали на то, что спасение не будет выражаться в виде скромного материального вспомоществования. Уличные

побирушки выглядели иначе и взгляд у них был затравленно-бегающий, а не лучисто-приятный.

– Я много чего могу, – бросила на ходу Леночка, сканируя взглядом окружающий мир в поисках знакомых, могущих стать свидетелями происходящего.

Леночка сильно страдала от своей невостробованности. Парней на потоке мало и все они с большими запросами – подавай им профессорских дочек или модельных красоток! Если к Леночке и проявляли мужской интерес, то сугубо ситуационный, обусловленный не столько ее достоинствами, сколько потребностью в быстром снятии напряжения. Отлюбили – бросили, вот как-то так. Для поднятия своего реноме было бы неплохо небрежно бросить в аудитории: «Кадрился тут ко мне один тип, прямо на ступеньках, Светка с Юлькой видели...». Или не Светка с Юлькой, а Олька с Ирккой, это ничего не меняет, важно, чтобы свидетели наличествовали, иначе какая-нибудь ехидна (хотя бы и та же Юлька) непременно поинтересуется, не приснилось ли Леночке это событие... Ха-ха-ха! Как смешно!

– Может, вы подумали обо мне плохое... – бубнил обладатель приятного баритона, идя за Леночкой. – Но я не такой... В смысле – не какой-нибудь приставала... У меня совсем другие намерения... У вас такое одухотворенное лицо...

«Одухотворенным» Леночкино лицо никогда никто не называл, да и сама она на этот счет особо не обольщалась. В

целом лицо было неплохим – глазки выразительные, щечки румяные, губки сочные... Только подбородок по-мужски тяжеловат и нос баклажанчиком. Но это же не страшно, правда? Выразительный подбородок свидетельствует о сильном, волевом характере, а у артиста Безногова нос тоже баклажанчиком, но это не стало препятствием на пути к славе. И вообще, впечатление о человеке создают не отдельные черты, а их сочетание. А сочетание было неплохим. «Сочная девка», говорила мама.

– Дело в том, что одна картинная галерея заказала мне портрет современной девушки. Я семь месяцев искал подходящий образ, уже было отчаялся, но вдруг увидел вас...

Леночка остановилась, обернулась к своему преследователю и пристально посмотрела ему в глаза. Этому приему она научилась от мамы, директора школы. Лгун рано или поздно отведет взгляд в сторону, возможно, что и покраснеет, а тому, кто говорит правду, смущаться нечего.

– Какие глаза! – восхитился преследователь, отступая на шаг. – Какая фактура! Вас нужно писать на природе, и чтобы непременно захватить фоном кусочек неба!

– Зачем? – растерянно спросила Леночка.

– Потому что вы – солнышко! – ответил преследователь и переместился вправо. – Вот так, в три четверти! От этого ваша улыбка становится еще загадочнее! Вы – современная Мона Лиза!

Странно – Леночка даже не поняла, что она улыбается

незнакомцу.

– Какое лицо! – продолжал незнакомец. – Можете немного приподнять подбородок? Да, вот так! Смотрите прямо... О-о-о! М-м-м! Восторг! Вы – моя Галатея!

Леночка не знала, кто такая Галатея, но сравнение явно было лестным, типа как с Моной Лизой, которая, конечно, не ахти какая красotka, но все ею восхищаются. К тому же за происходящим наблюдала Юлька Кобелова, только что вышедшая из корпуса под ручку с Рафиком Агаевым. Смотрите-смотрите! Вас-то никто рисовать не собирается.

– Маслом для галереи и акварелью для себя! – подвел итог незнакомец. – Я повешу ваш портрет в спальне, между «Мадонной» Боттичелли и «Афродитой» Лунда!

– Зачем? – пролепетала Леночка, окончательно теряясь.

– Чтобы засыпать и просыпаться, глядя на вас!

В этот момент Леночка поняла, каким бывает Настоящее Счастье. Оно – как удар по голове, только от этого не больно, а невыразимо приятно. И капельку страшно – вдруг это сон? Леночка ущипнула себя за руку и убедилась в том, что все происходит наяву.

Из ступора ее вывел визгливый фальцет Юльки.

– Ленок, что у вас тут за спектакль?

– У нас не спектакль, а серьезный разговор, – с достоинством ответил незнакомец и после непродолжительной паузы добавил. – Приватный.

Последнее слово прозвучало, как щелчок по носу. Леноч-

ка украдкой внесла свою лепту – показала Юльке язык. Та презрительно фыркнула и отвалила за горизонт вместе со своим флегматичным кавалером.

– Е-ле-на! – нараспев произнес незнакомец, словно смакуя имя. – Е-ле-на Прекрасная! Вы в курсе, что ваше имя удивительно вам идет?

Прежде ее имя Леночке не очень-то нравилось. Классическое, но какое-то невзрачное. То ли дело – Маргарита или, к примеру, Кристина. Вероника или Жанна – тоже нормально, но Елена, особенно в сочетании с фамилией Алешина, не звучит совершенно. Скажешь: «Лена Алешина» и воображение нарисует серую невзрачную мышку. То ли дело Жанна Агузарова или Вероника Козоровицкая! Но сейчас, на девятнадцатом году жизни, Леночка наконец-то осознала, какой бесценный подарок преподнесло ей провидение. «Е-ле-на» звучит как праздничный перезвон колоколов. Просто произносить надо умеючи, с выражением.

– А вас как зовут? – ответила вопросом на вопрос Леночка.

– Дмитрий, – представился незнакомец. – Дмитрий Рудометкин, свободный художник. Пока не очень известный, но две выставки в биографии присутствуют.

Знакомство отметили поблизости, во вьетнамском кафе «Нам-Нам», любимом заведении студентов химико-технологического университета. Под фаршированные мясом блинчики Дмитрий рассказывал о вьетнамской живописи на шел-

ке. Леночка мало что поняла, но протащилась невероятно – вкусная еда, симпатичный мальчик, умный разговор... Чего еще можно желать? Ну – ясно чего, только не сразу же, нужно соблюдать приличия.

Утолив голод, пошли гулять по Москве. Как-то само собой вышло так, что Леночка взяла Дмитрия, то есть теперь уже Диму, под руку и время от времени ласково к нему прижималась. Дима всякий раз приветливо улыбался ей, и эта улыбка выражала намного больше, чем можно было бы сказать словами. Шли куда глаза глядят, разговаривали обо всем сразу, то есть – ни о чем конкретно, и не заметили, как дошли до Рижского вокзала.

– А я тут недалеко живу, на Галушкина, – сказал Дима. – Хочешь посмотреть мои работы?

Разумеется, Леночка согласилась. Дима махнул рукой проезжавшему мимо такси, в котором они впервые поцеловались. Не взасос, потому что стеснялись угрюмого носатого водителя, но весьма чувственно. Леночка поняла, что одним лишь знакомством с работами дело не ограничится и порадовалась тому, что накануне вечером привела себя в полный порядок, а сегодня надела новый кружевной комплект белья. С чего вдруг, если никаких приключений не планировалось? А просто так, для поднятия настроения. Наитие какое-то нашло...

Усадив Леночку на диван и вручив ей толстенный альбом с рисунками, Дима сварил в турке кофе. К кофе был по-

дан коньяк, причем не в бутылке, а в красивом хрустальном графине, что Леночке очень понравилось. Ей вообще нравилось все, даже небольшой бардак в квартире. Художнику, возвышенной творческой натуре, было бы как-то несообразно жить среди унылого идеального порядка, к которому Леночку с младых ногтей приучали (и таки приучили!) родители.

После третьей рюмки коньяка перешли к сладкому. Развитие событий буквально шокировало простодушную Леночку. Вместо того, чтобы овладеть ею на диване, крепком, просторном и весьма удобном для этой цели, Дима отнес ее на руках в ванную и устроил «водно-эротические», как он выразился, процедуры, во время которых Леночка дважды сумела достичь вершин наслаждения. Из ванной они переместились в спальню, к одной из стен которой был прикреплен крест, знакомый Леночке по фильмам определенного рода. «Распяв» ее на этой конструкции, Дима доставил ей удовольствие языком, отчего она буквально улетела на седьмое небо и долго не хотела возвращаться обратно. В ее родном поселке Шемышейка Пензенской области подобными изысками не увлекались. Боясь произвести впечатление зажатой провинциалки, Леночка старалась вести себя как можно раскованнее, если не сказать – разнузданно...

– А ты – огонь! – сказал Дима во время восстановительной паузы. – Тигрица! Пантера!

В жизни Леночка не слышала комплимента лучше. Да и вообще жизнь не баловала ее комплиментами, разве что родители называли «красавицей», но то родители, им положено. Леночке захотелось сделать Диме ответный комплимент, и она даже придумала какой, но сил не было даже на то, чтобы пошевелить языком, так что пришлось выразить свои чувства взглядом. В голове пульсировали две мысли: «так хорошо не бывает» и «вот она какая, настоящая любовь, которая на всю жизнь».

Если бы кто-то в тот сладостно-упоительный момент сказал бы Леночке, что ее Настоящая Любовь закончится через три с половиной месяца в приемном покое двадцать четвертой городской больницы, то она бы собрала в кулачок последние силы для того, чтобы плюнуть в морду этому завистливому мерзавцу.

Но никто ей ничего не сказал. Только Дима уютно сопел рядом...

Творческая личность креативит во всех ипостасях. В амурных делах свободный художник оказался тем еще выдумщиком. Леночка открыла для себя волшебный мир ролевых игр, опробовала различные радующие девайсы, примерила роль партнера (а что тут такого? любопытно же!) и познала пряную сладость садомазохических забав. Кажется все уже знакомо, все испробовано, а Дима каждый раз чем-то да удивит. Например – сунет в руки кофейную мельницу и отлюбит под это занятие до умопомрачительного умопо-

мрачения. Не с практической целью, у него электрическая кофемолка имелась, а для того, чтобы ощутить отстраненность партнерши, занятой посторонним делом. Отстраненность Диму круто заводила, впрочем, как и многое другое.

У подружек свидания проходили скучно, однообразно. Встретятся, потусят где-нибудь – и в койку... У Димы же для каждой встречи готовился особый сценарий. То Леночка была проституткой, поджидавшей клиентов на Чистопрудном бульваре, то наивной туристкой, попавшей в руки сексуального маньяка, то властной дамой, вздумавшей совратить робкого юношу, то студенткой, сдающей зачет на дому строгому профессору... Короче говоря, не жизнь, а сплошной «Декамерон» с «Камасутрой».

Среди множества забав, в арсенале Димы была игра в веревочку. Да, в обычную бельевую веревочку с завязанными на ней узелками. После ласкового расслабляющего массажа веревочка запихивалась Диме в анус с таким расчетом, чтобы снаружи оставалось сантиметров двадцать – своеобразный «хвостик». В процессе оральных ласк, ближе к завершению, веревочка начинала медленно извлекаться, причем так, чтобы последний узелок вышел наружу на финише. Достичь подобной синхронизации в то время, когда мысли витают совсем в иных сферах, было нелегко, но Леночка быстро освоилась (любовь помогла) и уже в третий раз сделала все в лучшем виде. Сказать, что Дима был счастлив, означало не сказать ничего. Правда, в этой огромной бочке меда

имелась и маленькая ложечка дегтя – любимый мужчина все никак не начинал писать Леночкин портрет, руки не доходили. «Ничего, – успокаивала себя Леночка, которой очень хотелось «висеть» в какой-нибудь галерее. – Успеется еще, ведь у нас впереди целая вечность...».

Однажды, когда закладка веревочки производилась как наказание плохого мальчишки, Леночка слегка увлеклась или, может, Дима сделал глубокий вдох не в самый удачный момент, но, так или иначе, «хвостик» проскользнул в норку следом за остальной веревочкой.

– Ёшкин пень! – заволновался Дима. – Ну как же так?! Ну сделай же что-нибудь!

Леночка попробовала ухватить веревочку двумя пальцами, но из этой затеи ничего не вышло, потому что пальцы у нее были короткими, да и веревочка ушла куда-то далеко.

– Наверное, надо в больницу, – грустно сказала Леночка.

– Какая, нахрен, больница?! – возмутился Дима. – Что я там скажу?! Ты представляешь, как это будет выглядеть?! Доктор, у меня в жопе полтора метра веревки! С узлами! Сам не знаю, как она туда попала! Небось во сне сама заползла...

– Можно сказать, что ты ее проглотил... – подумала вслух Леночка. – Типа – готовился показать фокус, а она...

– Дура безмозглая! – рявкнул Дима. – Чем чушь пороть, попробуй сделать что-нибудь! Пинцет возьми, если культяпками не получается!

Леночка понимала состояние любимого мужчины и чув-

ствовала себя виноватой, поэтому простила ему и «дуру», и «культяпки». Мало ли чего в сердцах не ляпнешь... Как говорила Леночкина мама: «Слово не воробей – пропусти мимо ушей».

Пинцетом для бровей достать веревку было невозможно, даже пробовать нечего, а другого пинцета под рукой не имелось. «Хорошо бы какой-нибудь инструмент поудобнее...», подумала Леночка и к месту вспомнила, как ее покойная бабушка вязала половики большим крючком. А в соседнем доме находился магазин «Все для рукоделия», в котором Леночка как-то покупала колоду карт для покера на раздевание (была у них с Димой и такая забава). Немного успокоив любимого, Леночка сбегала в магазин и вернулась с большим пластмассовым крючком.

Хотелось бы, конечно, чтобы носик был покрупнее, но пришлось обходиться тем, что есть. Дима встал в коленно-локтевую позу. После расслабляющего массажа Леночка ввела в его анус крючок, щедро смазанный вазелином, и принялась им орудовать.

Вредная веревка никак не ловилась – во всяком случае, назад крючок двигался так же легко, как и вперед. Решив, что веревка утянулась куда-то далеко, Леночка просунула крючок глубже. Дима вскрикнул и резко вильнул задом. Леночкина рука от неожиданности дернулась. Раздался громкий хруст – крючок оказался не таким уж и прочным. Глядя на оставшийся в руке обломок, Леночка зарыдала в голос...

Пока ехала «скорая», Дима на чем свет стоит костерил Леночку, но она стоически вынесла это испытание и поехала вместе с ним в больницу. «Скорики» попались деликатные – не стали интересоваться тем, как в прямую кишку попали веревка и обломок вязального крючка. Попали – и попали. Важно не то, как попали, а то, что наличие инородных предметов в прямой кишке является показанием для госпитализации. А вот врач приемного покоя поинтересовался. То ли из любопытства, то ли по долгу службы.

– Эта дура постаралась! – сказал Дима, указав взглядом на Леночку. – Связала меня, пока я спал, и начала издеваться. Сначала веревку мне засунула, а потом начала крючком мучить. Она – ненормальная садистка, Дракула в юбке...

«Дракулу в юбке» Леночка уже вынести не смогла. Она убежала прочь, долго бежала по бульварам и пришла в себя только у памятника Тимирязеву. Стояла зареванная, размазывала руками по лицу потеки туши и думала, как ей теперь жить дальше. О продолжении отношений после всего случившегося не могло быть и речи. Дима совершил двойное предательство. Во-первых, свалил всю вину на нее, не смотря на то что игру в веревочку предложил он и всякий раз она проводилась по его инициативе. Леночка была готова сделать приятное любимому мужчине, но, по некоторым понятным причинам, ей самой эта игра особого удовольствия не приносила. Во-вторых, своей грубостью он перечеркнул все хорошее, что между ними было, разбил хрустальный сосуд

Леночкиной любви (Леночка иногда представляла любовь в виде красивого хрустального сосуда, в котором пузырится, переливаясь через край, шампанское).

– Девушка расстроилась, – сказала проходившая мимо женщина своему спутнику.

– Родственница, наверное, – ответил тот. – Или фанатка. А это кому вообще памятник?..

В приемном отделении двадцать четвертой больницы бережно хранят предание о молодом человеке, которого изнасиловала веревкой и вязальными спицами свихнувшаяся нимфоманка. Рассказывают эту историю не всякому-каждому, а только тем, кто заслуживает доверия.

* * *

Мораль сей притчи такова: не зная броду, не суйся в воду. Для успешного извлечения инородных предметов из сокровенных глубин организма нужно долго учиться, да и инструмент при этом используется специальный, медицинский.

Как-то так.

Притча вторая. Застенчивый герой

*«О мой застенчивый герой,
Ты ловко избежал позора.
Как долго я играла роль
Не опираясь на партнера...»*

Бэлла Ахмадулина, «О, мой застенчивый герой»

Евгению Кирилловичу понравилась Маша...

Нет, не так. Правильнее будет сказать, что Евгений Кириллович влюбился в Машу с первого взгляда. Вот как увидел на собеседовании, так и поплыл. Причем – поплыл конкретно, с такими тревожными симптомами, как учащение сердцебиения и появление эйфории не только при виде объекта, но и при мыслях о нем. Выражаясь поэтическим языком, в душе Евгения Кирилловича после продолжительной унылой осени вдруг наступила весна, весна, которую не ждали. В хронометре судьбы что-то щелкнуло и солидный мужчина, только что отметивший полувековой юбилей, вдруг превратился в шестнадцатилетнего юнца. К сожалению – только внутри. Живот никуда не делся и кудри на отполированной временем лысине не выросли. Но зато в душе... В душе царил такой кавардак, что Евгений Кириллович не переставал удивляться происходящим с ним переменам. Дошло даже до мыслей о браке, точнее – до мечтаний о счастливой совместной жизни, и это несмотря на накопленный

опыт, который наглядно доказывал, что совместная жизнь долго счастливой не бывает. Два пережитых развода служили тому порукой.

Влюбился, так влюбился. Но... (как говорил один сериальный персонаж: «все сказанное до слова «но», не имеет значения»)... но Евгений Кириллович был главным врачом поликлиники или, по-нынешнему, заведующим филиалом диагностического центра номер три, а Маша работала в том же учреждении процедурной медсестрой. Нельзя сказать, что Евгений Кириллович не признавал служебных романов. Признавал, еще как признавал, но лишь в качестве приправы, разнообразящей пресную начальственную жизнь, а не в качестве основного блюда. Если сердце и билось в упоенье, то только в момент оргазма, не более того. А с Машей все сразу же начало складываться иначе...

Впрочем, ничего не складывалось, кроме фантазий, которые очень скоро дошли до клинической пасторали: «жизнь на покое в уютном домике у моря». Евгений Кириллович как-то сразу решил, что Маша – «та самая», и что с ней у него «навсегда». Полдела, как говорится, было сделано, оставалось уговорить Машу, однако с этим возникли сложности. Чаровница игнорировала все намеки, но при этом смотрела не строго-недоуменно, а игриво-иронично, то есть подавала Евгению Кирилловичу определенные надежды. Да и интуиция, дочь опыта, сына ошибок трудных, подсказывала ему, что шанс есть. Определенно – есть, но орешек ой как непрост

и для того, чтобы его разгрызть, придется изрядно попрыгать.

Нагрянув в процедурный кабинет якобы для проверки правильности заполнения журналов (вообще-то этим занималась главная медсестра), Евгений Кириллович зашел с козырного туза:

– Надо бы как-нибудь обсудить ваше будущее, Мария Сергеевна, – сказал он, сопровождая слова многозначительным взглядом. – Не век же вам в процедурных сестрах сидеть...

Для человека, окончившего училище два года назад, и работающего в учреждении второй месяц, подобное предложение было неслыханной удачей, шансом, который выпадает всего один раз. Евгений Кириллович был уверен, что Маша заглоти наживку. А дальше все просто – в поликлинике о будущем говорить неудобно, все время отвлекают, так что лучше встретиться после работы, лечь рядком и поговорить ладком... То есть, не «лечь», а «сесть», оговорочка по Фрейду.

Но Маша наживку словно бы и не заметила. Усмехнулась, повела бровью и сказала, что обсуждать нечего, потому что конец у всего один и тот же – две даты с черточкой между ними. Евгений Кириллович от такого нуара опешил настолько, что поторопился уйти и неосознанно унес с собой журнал генеральных уборок, который держал в руках во время разговора. Неловко получилось, вроде бы как вынуждал Машу явиться к нему за журналом. Но она не пришла, и вечером,

перед уходом домой, Евгений Кириллович просунул журнал под дверь запертого процедурного кабинета. Стоит ли говорить о том, что перед этим он долго любовался бисерным Машиным почерком и даже нюхал страницы – казалось, что они пахнут Машей? Короче говоря, мужик дошел до ручки.

Аутопсихотерапия, с помощью которой Евгений Кириллович попробовал избавиться от наваждения, никакой пользы не принесла. Внушая себе, что Маша ничем не отличается от других женщин, в том числе и от его прошлых жен, он распаялся все сильнее и сильнее. Сравнительный анализ – кто она и кто я? – неизменно заканчивался на том, что она необыкновенно-замечательная, а он – унылый старый хрыч. Отчаяние толкнуло Евгения Кирилловича на крайние меры – он нашел на сайте *nochnye-babochki.ru* девушку, как две капли воды похожую на Машу, и ангажировал ее на ночь. Понадеялся, что физиологическое пресыщение переключит тумблер в голове и наваждение исчезнет, но вышло иначе – когда лже-Маша начала раздеваться, Евгений Кириллович осознал всю низость своего поступка. Как он мог рассчитывать на то, что продажная любовь избавит его от настоящей любви, которая дается раз в жизни, да и то не всем? Как он будет смотреть в глаза Маше после секса с проституткой? Ну и вообще, все это настолько мерзко... Однако, деньги были уплачены вперед, и, к тому же, Евгений Кириллович остро нуждался в совете опытного человека, желательно – женщины. Он попросил девушку одеться, заварил своего любимого

го чаю с бергамотом и начал рассказывать горькую историю своей жизни, плавно перетекшую в историю пылкой любви к Маше.

Гостья оказалась замечательной слушательницей – внимательной и сопереживающей. Даже прослезилась разок, когда слушала о перипетиях, приведших ко второму разводу (бр-р-р!). А, дослушав до конца, сочувственно вздохнула и подвела итог:

– Ты, Женечка, настоящий герой! Столько всего вынес и не сломался, не очерствел душой. Ты заслуживаешь настоящей любви как никто другой. Только не будь таким застенчивым. Женщинам это не нравится. Любишь – так добивайся!

– Но я же – ее начальник... – начал сбивчиво объяснять Евгений Кириллович. – Если я начну давить, то получится нехорошо... Она может подумать обо мне нехорошо... Что я пользуюсь своим положением... Сейчас все на этом харрасменте двинулись, комплимент женщине страшно сказать... Ну и вообще, я же ей намекнул, а она...

– А она тебя не отшила! – перебила гостья. – То есть, не сказала «нет»! Значит, шансы у тебя есть, только нужно их правильно реализовать. Знаешь, в чем секрет мужского успеха? Не в смысле всей жизни, а у женщин? В готовности пожертвовать всем-всем-всем ради любимой! Если женщина понимает, что ради нее мужчина готов на все, то на детали она уже не обращает внимания. Не в богатстве сила, не в

красоте и не в уме, а в готовности к любым жертвам во имя любви! Это я тебе как семейный психолог говорю.

Евгений Кириллович удивленно посмотрел на гостью.

– Да, как семейный психолог с почти что десятилетним стажем, – с гордостью сказала та. – Это моя основная работа, а... хм... эскорт-услуги что-то вроде хобби. Предварительную работу ты провел, теперь нужно развить успех. Стремительный натиск – и она твоя! То, что она замужем, ни о чем не говорит. Наличие мужа новой любви не помеха.

Да, у Маши был муж, какой-то там айтишник, судя по новому «крузаку» (сведения были получены от охранника) – довольно преуспевающий. Он привозил Машу на работу утром, в дикую рань, около семи часов, потому что так ему было удобнее добираться до Москвы из Ивантеевки, пока еще трасса не встала в пробках. Бедная Маша битый час скучала в своем кабинете. Евгений Кириллович не знал, чем она там занималась, но ему хотелось думать, что скучала.

Этот «скучный» утренний час и был выбран для стремительного натиска. А когда еще? В рабочее время толком поговорить не дадут, а о том, чтобы закрепить достигнутый успех и речи быть не может. После работы? Но как? От предложения поужинать вместе Маша скорее всего откажется, это Евгению Кирилловичу подсказывала интуиция. Караулить ее на пути к метро? Во-первых, это выглядело бы глупо и неестественно, а, во-вторых, в половине шестого, когда Маша уходила домой, Евгений Кириллович был загру-

жен работой – разбирал косяки сегодняшнего дня и давал подчиненным ценные указания на завтра. Заканчивал он не раньше семи, а часто засиживался и до восьми, до закрытия поликлиники. А что поделать? Все нужно держать под контролем, иначе долго на своем месте не усидишь.

Утром – самое то. Десяти минут с лихвой хватит на признание в любви с проговариванием мотивов и перспектив. А дальше уж как сложится... При обоюдном желании за полчаса можно успеть сделать многое на стоящем в кабинете диванчике, который иногда использовался для амурных целей. И на то, чтобы привести себя в порядок к началу рабочего дня тоже останется время. Это просто счастье, что Машин муж относится к числу водителей-жаворонков!

Для столь важного дела следовало выбрать благоприятный день. Евгений Кириллович не считал себя суеверным человеком. Он не шарахался от черных кошек, спокойно относился к тому, что живет в доме номер тринадцать, не боялся сглазов и вообще отрицал любую мистику. Но при этом он твердо знал, что дни бывают благоприятными, когда все складывается наилучшим образом и неблагоприятные, когда все идет через пень-колоду. Кто-то хочет с этим поспорить или все согласны? Распознавать хорошие дни научила бабушка Зоя Ивановна. В воскресенье, желательно вечером, нужно разложить старинный пасьянс «Семь окон». В какое окно ляжет твоя личная карта, тот день недели будет для тебя особо удачным. А окно, на котором пасьянс закончится, ука-

зывает на самый плохой день недели. И ведь работало! Евгений Кириллович впервые убедился в этом в седьмом классе и продолжал убеждаться по сей день.

Трефовый король, с которым отождествлял себя Евгений Кириллович, попал во второе слева окошко, а последняя карта (бубновая шестерка) легла в третье. То, что счастливым днем оказался вторник, сильно порадовало, потому что на этот день был запланирован высочайший визит – мэр или кто-то из его замов вместе с директором департамента здравоохранения должны были открыть поликлинику после комплексной реконструкции. Бодяга с торжественным открытием тянулась уже третий месяц, дата переносилась пять раз и Евгений Кириллович уже начал надеяться, что пронесло-обошлось, но вдруг позвонили из департамента и велели ждать гостей во вторник, стопудово. Оно и хорошо – в такой ответственный день никого не удивит ранний приход главного врача, обычно являвшегося на работу к девяти часам, а то и к половине десятого. Евгений Кириллович не придавал большого значения сплетням, но старался лишний раз не давать для них повода, так спокойнее, а то ведь люди умеют раздуть из мухи слона. Другое дело – если все сложится, тогда можно будет раскрыть карты.

Во вторник Евгений Кириллович подъехал к поликлинике одновременно с Машиным мужем. Подумал, что это хороший знак (в хороший день знаки другими быть не могли), а заодно посмотрел на своего конкурента. Ничего особенно-

го – очередной хипстер-задохлик, косплеящий сурового лесоруба. Однако, молод, примерно Машин ровесник... Впрочем, возраст – не самое главное, а пятьдесят лет – это совсем не «возраст», а расцвет зрелости, золотое время, когда многое уже успел сделать, а итоги подводить пока рано. Что же касается физической формы, то в этом отношении Евгений Кириллович мог дать фору многим тридцатилетним. Секрет его был прост – меньше жрать и больше двигаться. Каждое утро, за исключением особо непогожих дней, он пробежал шесть километров, а по средам и субботам плавал в бассейне. Причем именно плавал – правильным кролем, на скорость, – а не просто сидел в воде. Раз в неделю Евгений Кириллович устраивал себе тест – поднимался пешком, в быстром темпе, на свой восьмой этаж и удовлетворенно констатировал отсутствие одышки.

Порадовало и то, как Маша простилась с мужем – без поцелуев и прочих нежностей. Просто вышла из машины, как только та остановилась, и пошла своей грациозной походкой ко входной двери. Евгений Кириллович просидел в салоне лишнюю минуту ради того, чтобы не столкнуться с Машей в вестибюле. Он собирался позвонить ей из своего кабинета и строгим холодным тоном пригласить к себе. Расчет делался на контраст и внезапность. Маша придет взволнованная – с чего бы это ее вызвали? – а он вместо замечаний или нотаций обрушит на нее водопад своих чувств. Если предварительно встретиться в вестибюле, то эффект будет уже не тот...

Евгений Кириллович был уверен в успехе своего стремительного натиска, потому что ради Маши он в самом деле был готов на все, и она не могла не оценить этой жертвенности. За исход дела он не волновался, волновало его другое – к какому типу женщин относится Маша. «Крикунья» она или «тихушница»? Лучше бы оказалась «тихушницей». Дверь кабинета Евгения Кирилловича была шумоизолирующей, поскольку он предпочитал работать в тишине, диван не скрипел, так что если не вопить, то никто из сотрудников ничего не услышит... Однако, Евгений Кириллович был готов и к громкому звуковому сопровождению. Против природы не попрешь, а по большому счету нет разницы в том, когда сотрудники узнают об их романе – сейчас или спустя некоторое время, когда он станет привозить Машу в поликлинику по утрам. Опять же, рабочий день начинается в восемь часов, а до этого момента каждый сотрудник волен заниматься личными делами. И, вообще, важна только любовь, все прочее малосущественно.

– Я вас люблю и делайте с этим что хотите! – выпалил Евгений Кириллович, едва Маша открыла дверь.

И тут же обругал себя пентюхом за то, что не догадался купить цветы.

Но и без цветов получилось хорошо. Маша ошеломленно застыла на пороге с широко раскрытыми глазами и в этих глазах было столько радости, что Евгений Кириллович сгреб ее в охапку, увлек внутрь и принялся лихорадочно целовать,

куда придется – в губы, в лоб, в щеки...

– Дверь! – тихо простонала Маша.

Евгений Кириллович запомнил только щелчок дверного замка, а дальше его словно подхватила теплая морская волна, качнула туда-сюда и мягко уложила на диван. Маша оказалась сверху. Она любилась тихо, но очень энергично. Евгений Кириллович и не подозревал, что худенькие голубоглазые блондинки из категории девочек-ромашек могут быть настолько темпераментными.

Оба не сразу поняли, что именно хрустнуло. Резко открылась дверь? Боль пришла секундой позже и была она настолько сильной, что Евгений Кириллович рывком сбросил с себя Машу, которая, крепко приложилась затылком о пол и потеряла сознание. Превозмогая боль, Евгений Кириллович перешел из лежачего положения в сидячее и с полминуты рассматривал свое мужское достоинство, которое посинело и распухало на глазах. Перелом полового члена – довольно редкая травма. Во время учебы Евгений Кириллович ни разу не видел ее «вживую», только на картинках – и вот сподобился увидеть. В самый-самый-самый неподходящий момент.

Шок был суровым, но голова работала ясно. Евгений Кириллович умел сохранять самообладание и способность к рациональному мышлению в любых ситуациях, потому-то и сделал карьеру без чьей-либо помощи.

Хорошо, что нет наружного кровотечения. Фонтан крови

залил бы весь кабинет и их с Машей...

Вызывать «скорую» в поликлинику невозможно – такой удар по репутации!.. Надо ехать в больницу самотеком... Или, хотя бы, отъехать от поликлиники на квартал-другой и вызывать скорую на уличную травму... Уличную? А, семь бед – один ответ!..

Сейчас покидать поликлинику нельзя!.. Через два с небольшим часа прибудет высокое начальство... Надо встретить лично... Надо засветиться с хорошей стороны и, вообще, держать ситуацию под контролем...

Блин!.. Ну почему это случилось с ним?.. Ну почему это случилось сейчас?.. Зачем он вообще все это затеял?.. Спокойная жизнь надоела?..

– Что с тобой?

Пока Евгений Кириллович думал, Маша успела прийти в себя. Она сидела на полу и таращила глаза на баклажан, выросший в паху у ее незадачливого партнера.

– Ничего страшного! – строго и веско сказал Евгений Кириллович, которому для полного счастья не хватало только женской истерики. – Просто мне нужна помощь. Принеси бинт, «двадцатку», «пятерку», ампулу с физраствором, гарадолин, долабин и бентирам...¹

– Но...

– Я все спишу! – пообещал Евгений Кириллович. – Спиртовые салфетки не забудь. И поторопись, время поджидает!

¹ Названия лекарственных препаратов вымышленные.

Настенные часы показывали ровно половину восьмого.

Пока Маши не было, Евгений Кириллович придумал, как поступить с брюками. Обычным образом их не надеть и с расстегнутой ширинкой ходить тоже нельзя, пусть, даже, и в халате. Лучше сделать разрезы по бокам, примерно до середины бедра. Аккуратно, по шву, чтобы не испортить брюки от лучшего костюма (Евгений Кириллович был человеком рачительным).

В ответственный момент Маша показала себя с наилучшей стороны. В семь пятьдесят пять Евгений Кириллович, немного побледневший от пережитого и введенных препаратов, сидел за своим столом и беседовал с главной медсестрой Татьяной Юрьевной. Боль утихла, внутренняя взвинченность исчезла, остались только недовольство и недоумение – ничего себе счастливый денек! «Но не так уж все и плохо, – пытался успокоить себя Евгений Кириллович. – Если еще и пописать смогу, то можно считать, что легко отделался... Провожу комиссию – и на больничный. А после можно будет две недели отпуска взять... Махну в Карелию... Или, может, лучше на Байкал? Нет, на Байкал – только летом...».

О Маше он больше не думал. Маша была вычеркнута из жизни навсегда. Любовь? Ай не смешите! Какая, к черту, любовь? Так, дурию маялся от безделья. Было ясно, что от Маши нужно избавиться. Избавиться благородно, достойно, например – пристроить ее куда-нибудь на сторону старшей медсестрой. На повышение люди уходят охотно и без обид.

Очень хотелось, чтобы высокие гости прибыли вовремя, без опозданий. Раньше начнем – раньше закончим. А лучше всего, если бы сейчас позвонили и сказали, что визит снова отменяется.

На сей раз ничего не отменилось, и гости приехали вовремя. Правда, мэр не соизволил прибыть, прислал заместителя, но Евгению Кирилловичу было не до деталей – отстреляться бы поскорее, да свалить! Опять же, выяснилось, что на ногах он стоит не очень-то твердо, голова слегка кружится и колени какие-то ватные.

Где тонко, там обязательно порвется. Когда процессия, возглавляемая директором департамента, шла со второго этажа на третий, у одной из департаментских дам сломался каблук. Она упала на директора (какая наглость!) и толкнула его на Евгения Кирилловича, травмированный орган которого находился в полуметре от изгиба поручня перил... Приложившись «баклажаном» к поручню, Евгений Кириллович потерял сознание, свалился на лестницу и съехал по ней на площадку, причем нехорошо – вперед головой...

В приемном покое тринадцатой больницы возникла небольшая заминка с выбором отделения, но в конечном итоге Евгения Кирилловича положили в урологию.

– Что творится, Сережа, что творится? – сказала охраннику санитарка, помогавшая раздевать-перекладывать Евгения Кирилловича. – Удивляюсь я на людей! Главному врачу сломали х...й, разорвали штаны, да еще и с лестницы спустили.

И это середь бела дня! Куда все катится?

– К концу смены все катится! – хохотнул бесчувственный страж порядка и поглядел на висевшие над входом часы. – Осталось восемнадцать часов пятьдесят три минуты.

– Это – главному врачу! – не унималась санитарка. – А что там с простыми людьми делают, даже представить страшно! Нет, у нас все же работать лучше, спокойнее...

* * *

Мораль сей притчи такова: во всем надо знать меру, в том числе и в увлечениях. Последствия неблагоразумия непредсказуемы.

Как-то так

Притча третья. Гурманка и самурай

*«Ты ласточек рисуешь на меню,
Взбивая сливки к тертому каштану.
За это я тебе не изменю
И никогда любить не перестану.
Все жирное, что угрожает стану,
В загоне у тебя. Я не виною,
Что петуха ты знаешь по Ростану
И вовсе ты не знаешь про свинью...»*
Игорь Северянин, «Гурманка»

Депрессия после развода – дело обычное. У этого дракона три головы – крушение надежд, разочарование и чувство неуверенности в себе. Можно хоть тысячу раз повторять, что любовь зла, можно и в козла влюбиться, но в глубине души все равно будет свербеть пакостная мыслишка – сама виновата, хороших жен не бросают. Да – именно что бросают, отшвыривают в сторону, словно надоевшую игрушку.

Совместная жизнь перестала радовать очень скоро, уже на седьмом месяце, но Ирина утешала себя тем, что это естественно. Со временем острота первых впечатлений притупляется и отношения переходят в новую, спокойную фазу... Спокойную? Как бы не так! Точнее будет сказать – в унылую. А очень скоро к унынию примешивается раздражение, и ты

начинаешь ловить себя на мысли о том, что одной было бы лучше. Начинаешь ловить и ужасаешься тому, какая ты эгоистка. Но со временем понимаешь, что не эгоистка, а просто дура. Крутые перемены пугают, да и альтернативных вариантов в наличии не имеется, поэтому дура начинает утешаться тем, что «все так живут» и старается постоянно смотреть на жизнь через розовые очки. А в один прекрасный ужасный день Он приводит домой какую-то сикильду и заявляет, что наконец-то обрел любовь. И ты не понимаешь, что ранит тебя больше всего – сказанное с пафосом слово «наконец-то» или то, что сикильда расхаживает по твоему уютному гнездышку с безгловым выражением на лошадиной морде. Ать-два! Смена пажеского караула!

– Ну нельзя же так! – плакалась Ирина подруге Таше, лучшей и единственной, верной и надежной. – Как обухом по голове! Можно было бы сделать все по-человечески! Поговорить! Объяснить! А не тащить сразу в дом свою б...дь! В наш дом!

Вообще-то жили они в квартире мужа, а Ирину квартиру сдавали. Но дело же не в том, кому принадлежит жилплощадь, а в том, что два человека пытались выстроить на ней что-то общее, свое, родное... А потом один из них взял и все растоптал.

– Он с ней любовь обрел! А со мной что было?! Я же ему не набивалась! Он мне дважды предложение делал, ты же в курсе!..

В течение двух месяцев Таша покорно исполняла роль жидетки, а потом вдруг сказала:

– Хватит ныть, подружка! Возьми себя в руки и строй новую жизнь на руинах старой! Тебе, в конце концов, тридцать два, а не девяносто!

– Уже почти тридцать три, – Ирина грустно вздохнула, вспомнив о том, как они собирались праздновать ее «симметричный юбилей» в Питере. – Две недели осталось...

– Я уже приготовила подарок! – объявила подружка. – Это именно то, что тебе сейчас нужно.

Тем, что нужно оказался аккаунт на сайте знакомств *amore.ru*.

– Это не Бамба и не Лавитка, а площадка для серьезных знакомств, – говорила Таша, демонстрируя Ирине подарок. – Вдульщики и хотелки здесь не пасутся. Во-первых, регистрация платная, во-вторых – работает система тестирования, отсекающая любителей скорых развлечений и разных других... удаков. Я оплатила на год вперед, надеюсь, что этого хватит, и прошла тестирование вместо тебя...

– Вместо меня? – удивилась Ирина.

– Я же знаю тебя как облупленную! – усмехнулась подружка. – А процедура довольно нудная и некоторые вопросы могли бы показаться тебе неприятными. И фотографии я выбрала самые лучшие. Посмотри на себя, Ирусь! Ты на самом деле вот такая, а не как сейчас. Короче говоря, попутного тебе ветра! Жду приглашения на свадьбу. Ты же долж-

на дать мне второй шанс.

На Ирининой свадьбе Таша не смогла поймать букет, который, можно сказать, был почти у нее в руках. Почти, да не совсем. В самый последний момент букет перехватила двоюродная сестра новобрачного. И что же? Спустя полгода она вышла замуж за чувака, с которым познакомилась на их свадьбе, правда до того, как поймала букет.

– Я больше в эти игры не играю! – жестко сказала Ирина. – Если что и сложится, то без Мендельсона.

Подруга многозначительно поиграла бровями – мол все так говорят, а потом и по пятому разу замуж выходят.

Разумеется, Ирина предпочла бы обойтись без виртуальных знакомств. Но как без них обойдешься, если в реале нет никаких перспектив? В гимназии, где Ирина преподавала английский, было всего трое мужчин – директор, физрук и дворник, он же мастер на все руки. Директору под шестьдесят, он примерный семьянин-подкаблучник и жуткий зануда. Абсолютно не вариант. Физруку тридцать пять, внешне он вполне ничего и интеллектом не обделен, только вот беда – женщины его не интересуют. Совсем, от слова «ничуть». Про дворника Шарифа вообще говорить нечего... С каким-нибудь папашкой роман закрутить? Дохлый номер! Папашки если и приходят, то только для того, чтобы поскандалить. Тут не до романа, поскорее бы выпроводить. Да и нехорошо это – разбивать семью и отнимать у детей отца. На чужом горе счастья не построить, так что хочешь не хочешь,

а без Аморы не обойтись.

Запросы у Ирины были небольшими. То есть, на самом деле, они были довольно большими, но умные люди начинают с малого, с самого основного. Основные требования были такими: хороший и свободный человек. «Свободный» не в смысле «находящийся на воле», а не связанный брачными узами или устойчивыми отношениями. Все остальное обсуждается. Три годами раньше в числе основных требований непременно оказалось бы наличие развитого интеллекта, но совместная жизнь с интеллектуалом категории «непризнанный гений» научила Ирину отделять главное от второстепенного и правильно расставлять приоритеты. Главное, чтобы человек был хороший. С ним же жизнь жить, а не логические задачки решать. Хорошему человеку можно простить непрочитанный «Улисс» или отсутствие представления об эклектике.

Кто хочет многого, то обычно ничего не получает, а вот к тем, чьи запросы скромны, провидение относится благосклонно. На второй неделе поиска Ирина познакомилась со Станиславом. Взглянула на фотографию – и поняла, что с ним может получиться. У плохих людей не бывает такого взгляда и такой улыбки. Информация на страничке тоже вдохновляла – сорок восемь лет, разведен, детей нет, доцент кафедры истории русской литературы МГУ. Мало того, что преподаватель, так еще и гуманитарий, филолог. «Свой в доску», как сказала бы Таша. Чем больше точек совпадения,

тем больше шансов на успех, разве не так? Но главное, чтобы человек был хороший...

Виртуальное общение усилило позитивное впечатление. Станислав охотно рассказывал о себе, а сам вопросами не докучал, проявлял деликатность. И слог у него был замечательный – сообщения хотелось перечитывать, словно роман. «Стоп! – сказала себе Ирина. – Не раскатывай губы раньше времени! Идеальные кадры существуют только в воображении, а в реале у всех есть недостатки. Кое-кто поначалу тоже прекрасным принцем казался, а чем все закончилось? То-то же!».

Встреча в реале с одной стороны порадовала, а с другой – добавила опасений. Станислав оказался именно таким, каким его и представляла Ирина. Даже можно сказать, что он оказался именно таким, каким ей хотелось. Но в его взгляде Ирина смогла разглядеть какую-то искорку смущения. Он явно что-то скрывал и стеснялся этого.

– Не бери в голову! – сказала Таша, с которой Ирина поделилась радостью и опасениями. – Может он любит петь под душем или фанатеет от индийского кино! Узнаешь его секретик в свое время. Главное, что он хороший, а у хороших людей плохих секретов не бывает.

Не согласиться с этим утверждением было нельзя. Такой хороший человек, как Станислав, не мог оказаться маньяком или садистом. У садистов другой взгляд, примерно такой же, как у бывшего мужа – холодный, колючий, злой.

Отношения развивались неспешно, но продуктивно. Два раза побывали в театре, сходили на выставку буддийской скульптуры в Пушкинский музей, съездили в Коломну. Наконец-то милый (про себя Ирина уже называла его так) сподобился пригласить ее к себе, на субботний ужин. Пообещал стейки и какое-то необыкновенное вино из Инкермана. Когда Ирина игриво поинтересовалась, что будет на десерт, милый смущенно ответил, что предполагаются фрукты, но к ним можно добавить сыры или какие-нибудь сладости. Навивный ребенок! Скоро полтинник стукнет, а он не понимает, что имеет в виду женщина под десертом.

То, что Станислав старше ее на пятнадцать лет, Ирину несколько не тяготило. Выглядел он моложе своего возраста, ну и вообще со зрелыми мужчинами как-то надежнее, спокойнее, уютнее. Побывала замужем за молодым – и чем все закончилось?

Поскольку Ирина так и не сказала, какой десерт она хочет, Станислав запасся и сырами, и разной халвой-пахлавой, но до настольного десерта они так и не дошли – после стейков сразу же перешли к постельному. Началось все очень приятно и красиво, ну разве что без свечей, а закончилось как-то не очень. По поведению Станислава, даже и не по поведению, а по каким-то невидимым флюидам, Ирина поняла, что происходящее не доставляет ему особого удовольствия. Поняла – и сама сразу же остыла, будто окаченная ледяной водой. Попробовала симитировать оргазм, но вышло неубе-

дительно, как в плохом порнофильме. Короче говоря, десерт оказался безвкусным.

Станислав смотрел на Ирину виновато. Так обычно смотрели ученики, у которых не было оправданий для несделанного домашнего задания. Первый блин комом – это тревожный симптом, могущий поставить крест на отношениях. Ирина решила взять инициативу в свои руки. Попросила Станислава приготовить кофе, а сама скрылась в ванной, чтобы смыть плохие впечатления при помощи контрастного душа. Вышла вся такая бодрая, энергичная, обернутая в розовое полотенце, и сразу же взяла быка за рога.

– Что-то не так! – констатировала Ирина, глядя милому в глаза. – И я хочу знать – что!

– Все нормально... – начал было Станислав, но Ирина «включила училку».

– Скажи мне правду! – потребовала она. – Правда – это лучший выход из любой ситуации. Я же чувствую, что что-то не так. И, мне кажется, что я имею право знать.

Станислав пожал плечами и виновато улыбнулся. В махровом банном халате он выглядел каким-то беззащитным. Ирине даже стало немного неловко за свою настойчивость, но она успокоила себя тем, что старается ради их общего блага.

– Я не дала тебе того, чего ты хотел?

Станислав обреченно вздохнул и кивнул.

– И чего же ты хотел? – мягко-вкрадчиво спросила Ирина.

– Связать тебя и покормить с ложечки мороженым, – не сказал, а буквально выдавил из себя Станислав и судорожно сглотнул слюну. – Или вареньем...

Ирина знала, что существует такая любовная игра, как связывание, но... как бы выразиться помягче... считала ее не совсем нормальной. Ну в самом деле – какое может быть в этом удовольствие? Разве что для странных людей... Но Станислав производил впечатление полной адекватности, а еще Ирине очень хотелось, чтобы у них все сложилось. Поэтому она проглотила то, что вертелось на языке и ограничилась одним словом:

– Зачем?

– О, в двух словах всего не объяснить, – возбужденно затараторил Станислав. – Это отдельное искусство со своей философией. Но если тебе интересно...

– Интересно! – кивнула Ирина. – Но сначала бы хотелось одеться.

– Лучше бы раздеться, – ответил Станислав. – Для того, чтобы понять, нужно почувствовать...

Было немного тревожно терять контроль над ситуацией, но интуиция подсказывала, что Станиславу можно доверять, ведь он – милый.

– Ты можешь прекратить все в любой момент, – предупредил Станислав после демонстрации мягких и весьма приятных на ощупь джутовых веревок. – Только скажи: «Антарктида».

– А без пароля нельзя? – поинтересовалась Ирина. – Можно же просто сказать, что продолжать не хочется.

– Сопротивление или просьбы освободить могут быть частью игры, поэтому нужно особое стоп-слово, такое, которое не может быть употреблено в процессе, – объяснил Станислав, складывая одну из веревок вдвое. – Начнем?

Оказалось, что шибари (так называлось искусство связывания) – это не больно и весьма необычно, если не сказать – приятно. Ощущаешь какую-то особую связь с партнером, испытываешь новые ощущения и очень яркие оргазмы. Распробовав японское искусство, Ирина с сожалением подумала о том, почему она не приобщилась к нему раньше. Впрочем, с кем ей было приобщаться? С бывшим мужем? Нет уж, увольте! С эгоистами в такие игры играть нельзя, потому что они думают только о себе. То ли дело – Станислав, который тщательно контролировал натяжение веревок и умел затягивать узлы так, что получалось и крепко, и не больно, так, чтобы Ирина испытывала бы только ощущение скованности. Мастер, что уж там. И невероятно милый...

Процесс кормления с ложечки, который вначале показался Ирине дикой причудой, оказался удовольствием высшей категории, проявлением какой-то невероятной заботы, невероятно нежной заботы... Слово «невероятно» было здесь самым подходящим. Ирина быстро вошла во вкус и всякий раз требовала нового лакомства. Не обязательно с ложечки, брать еду губами из пальцев любимого человека было еще

вкуснее. Больше всего Ирине нравилось, когда милый кормил ее финиками (финики у него были суперские, из Ирана).

– Я и подумать не мог, что ты такая гурманка! – умилялся Станислав.

Слово «гурманка» стало секретным, то есть – интимным, прозвищем Ирины. А она прозвала Станислава «самураем» (надо ли объяснять почему?). Если во время прогулок или ресторанных посиделок Ирина шептала на ухо милому «Гурманка хочет в гости к Самураю», то это означало не просто секс, а забавы с веревками.

Разумеется, Ирина не утерпела и поделилась новыми впечатлениями с Ташей.

– Ничего удивительного! – хмыкнула подруга. – Ты всю жизнь страдала от недостатка мужского внимания, а теперь получаешь его с избытком. Тащись-наслаждайся, имеешь право!

«Всю жизнь» немного покорило, потому что от недостатка мужского внимания Ирина страдала только в браке, а до того скорее страдала от избытка, но, в целом, подруга была права – истосковалась она по вниманию. При всей своей самодостаточности, независимости и цельности натуры.

Играть – так играть! В смысле, если уж развлекаться с веревками, то по полной программе – или распятой на кровати в стиле «пятиконечная звезда» или же связанной в стиле «крендель», когда руки и ноги стянуты за спиной так, что лодыжки приведены к запястьям. М-м-м... Класс! Был еще ва-

риант «девушка на допросе», при котором Ирина сидела на стуле со связанными сзади и привязанными к стулу руками, разведенные в стороны ноги крепко фиксировались к передним ножкам стула. Но «допрос» Ирине нравился не особо. Во-первых, стул привносил какой-то привкус официальности, совершенно неуместный, на ее взгляд, в любовных играх. Во-вторых, милый добряк Станислав совершенно не годился на роль строгого допрашивающего. А уж если играть, то по Станиславскому, с полным соблюдением жизненной правды, иначе как-то невкусно получается.

Поза кренделя восхитительно несвободна – можно двигать только головой, да и то с ограниченной амплитудой. В этом-то самый смак! А в освобождении от неволи – смак другой. Лежишь и радуешься тому, как понемногу оживает онемевшее тело, а милый сидит рядом, гладит-нацеловывает и шепчет на ушко нежные слова. Забота только одна – как бы не умереть от такого грандиозного счастья.

Жизнь красна праздниками, поэтому влюбленные ежемесячно отмечали и день знакомства, то есть – день первого виртуального контакта, и день развиртуализации, и день первого секса, и день условной помолвки, когда они решили, что им стоит подумать о совместной жизни. Если добавить к этому субботы, которые по умолчанию считались романтическими днями, а также государственные праздники и разные знаменательные дни вроде Дня филолога или Дня учителя, то получалось очень неплохо. Не успеешь переварить

впечатления от одного праздника, как на пороге уже маячит другой.

На двадцать четвертое ноября выпало сразу три праздника – День Знакомства, день рождения Ирины и суббота – День Романтики. Собственно, романтика была с ними всегда, но по субботам ей придавалось особое значение.

Веселье началось в полдень с детективного уличного квеста, посвященному поискам голубого карбункула. Коварный профессор Мориарти сначала похитил драгоценный камень, а затем заманил в ловушку Шерлока Холмса, но тот, почувствовав неладное, успел оставить на улицах несколько подсказок... Потом был торжественный обед в ресторане «Библиотека счастья», после чего они отправились в Театр оперетты на «Летучую мышь», которую Ирина могла смотреть бесконечно. Затем немного погуляли по бульварам, благо погода была хорошей, совершенно не ноябрьской, и поехали к Станиславу, где Ирину ждал главный сюрприз дня – подарок.

Подарок оказался двойным. Сначала, сразу же, как приехали, Ирина получила чудесные платиновые серьги с голубыми сапфирами. А немного позже, когда они пили вино при свечах, Станислав преподнес ей кольцо, к которому прилагались рука и сердце. Предложение было сделано интеллигентно, без пошлого буханья на колени и пафосных фраз. Станислав подмигнул Ирине, сделал правой рукой в воздухе пасс, и со словами «Давай поженимся» протянул ей кольцо. От обилия приятных впечатлений Ирина разрыдалась, но быст-

ро взяла себя в руки и ответила: «Давай, давай, давай», будто одного раза было мало.

Уговор был скреплен серией страстных поцелуев.

– У меня есть еще один подарок, – объявил Станислав, когда они решили дать губам отдых. – Шоколадное печенье с грецкими орехами и корицей. Вот такое малюсенькое, – он поднял правую руку и показал размер с помощью большого и указательного пальцев. – А какое вкусное! – Станислав закатил глаза кверху и покачал головой. – Но это лакомство только для послушных девочек.

– Я буду самой послушной девочкой на свете, – пообещала Ирина и упорхнула в ванную.

Разнообразие ради она нарушила свое обещание, пытаясь всякий раз укусить Станислава за палец – связанным полагается быть непокорными, ибо покорных связывать незачем и неинтересно. Но в ответ на это хитрый партнер начал кормить ее печеньем с ладони – не укусишь. Да еще и поддразнивал в отместку, задерживая руку с угощением сантиметрах в десяти от лица связанной кренделем Ирины. Надо сказать, что ситуация «видит око, да зуб неймет» оказалась замечательной приправой к игре. Ирина пообещала Станиславу, что, освободившись от пут, она загрызет его насмерть (то была еще одна восхитительная игра под названием «Рабьяня мстит своему жестокому господину», оба буквально улетали от нее).

– А вот последняя штучка! – с деланным сожалением объ-

явил Станислав и вдруг повел себя странно – сначала замер с протянутой рукой на несколько секунд, а затем тихо всхрипнул, прикрыл глаза и медленно осел на пол.

Ирина не сразу поняла, что случилось неладное. В первый момент ей показалось, что милый придумал новые правила игры. Но оказалось, что игра окончена. Совсем. Милый лежал на полу, Ирина видела только голову и правое плечо, глаза его оставались закрытыми, дыхание было каким-то непривычно шумным, а левая щека слегка раздувалась на выдохе. На оклики милый не реагировал...

«Инсульт или инфаркт! – с ужасом подумала Ирина. – Нет, наверное, инсульт. При инфаркте человек за грудь рукой хватается...». Так, во всяком случае, поступали героини сериалов. Ладонь на грудь, «ой, что-то воздуха мне мало» и только потом – бух на пол.

Попытки сдвинуться с места посредством раскачивания оказались безуспешными. Может, на полу что-то бы и получилось, но не на матрасе. А если даже и получилось бы, то что с того? Дверь в спальню была закрыта (педантичный Станислав не любил распахнутых дверей), а открывалась она внутрь. Избавиться от веревок тоже не удалось – милый вял нежно, но крепко, на совесть. Попытаться перетереть веревки об угол кровати? Во-первых, для этого нужно переместиться на пол и повернуться на бок. А, во-вторых, нужно интенсивно двигать веревки туда-сюда. Свернутому в крендель человеку такое не под силу.

Расклады были мрачными. Освободиться от пут невозможно. Надежды на то, что Станислав придет в себя без медицинской помощи мало. Да и неясно, сможет ли он двигаться, если к нему вернется сознание. Домработница приходит по четвергам, около полудня, а сейчас начало воскресенья. Они не доживут... Нужно что-то придумать...

Когда возможности сведены к минимуму, планы действий выстраиваются быстро. Ирина могла только кричать и этот ресурс следовало расходовать рационально, чтобы не охрипнуть и не обессилеть раньше времени. Надо кричать одно и то же, кратко, с небольшим перерывом. В панельных девятиэтажках звукоизоляция оставляет желать лучшего. Соседи должны слышать... Хоть кто-нибудь... Сбоку или сверху...

На нижних соседей можно было не надеяться, поскольку пол в спальне был покрыт ворсистым белым ковролином, лежавшим на какой-то особенной пробковой подложке, которая очень приятно пружинила под ногами.

– Помогите! – крикнула Ирина и решила, что кричать нужно пронзительнее. – Помогите!.. Помогите!..

В какой-то момент она отключилась или просто заснула, потом пришла в себя и снова начала звать на помощь. Время словно бы свернулось в тугий кокон. Ирина не ощущала его и не могла за ним наблюдать, поскольку окна были наглухо зашторены, а часы висели за ее спиной. Когда она каким-то чудом... да – именно чудом!.. перевалилась на бок, то увидела, что уже давно наступило утро – часы показывали семь

минут десятого.

Лежать на боку было неудобно – сильно болела придавленная рука, но зато кричать получалось громче. Да и время было самое удачное – начало дня. Все соседи уже проснулись (наверное) и пока еще не разбежались по делам – воскресенье же, как-никак.

Появилась новая проблема – естественный позыв. Некоторое время Ирина терпела, но, когда стало невмоготу, перестала сдерживаться, пообещав себе, что как только весь этот ужас закончится, она купит милому новый матрас. Изменив положение тела, она уже не видела Станислава, но слышала его дыхание, которое, как ей казалось, стало более шумным. Захотелось быть рядом с любимым, да и лежать на мокром было холодно, поэтому Ирина попыталась ползти вперед, но тут же отказалась от этого намерения. Может и удалось бы сместиться, но веревки при малейшей попытке шевельнуть ногой или рукой причиняли острую боль. Один переворот – еще ничего, а но несколько движений подряд – адская мука. Лучше уж на мокром лежать, чем дергаться, ведь пока не двигаешься онемевшего от неподвижности тела словно бы и не чувствуешь.

В дверь позвонили в половине одиннадцатого.

– Помогите!!! – завопила Ирина из последних сил. – Умираю!!! Помогите!!! Ломайте дверь!!! А-а-а!..

Если вам удастся произвести хорошее впечатление на сотрудников приемного покоя пятнадцатой московской боль-

ницы, то, возможно, они расскажут вам удивительную историю о чудесном спасении юной девушки, которую заманил в свое логово жестокий маньяк. Связав свою жертву по рукам и ногам, маньяк уже собрался было приступить к финальному акту, но тут в его злодейском мозгу лопнул кровеносный сосуд. Девушку вызволили соседи, а маньяк отдал Богу свою черную душу в неврологической реанимации.

* * *

Мораль сей притчи такова: нужно просчитывать все варианты развития событий, вплоть до самых неблагоприятных и принимать страховочные меры. Связанный адепт высокого искусства шибари должен иметь возможность освободиться от пут самостоятельно. Как говорили в древние времена: «да послужит эта история наставлением для несведущих».

Как-то так

Притча четвертая. Любовь – обман

*«Я болен, я устал... Из незаживших ран
Сочится кровь и прокляты сомненья!*

*Я жить хочу, хочу любить, – и пусть любовь –
обман»*

*Семен Надсон, «Любовь – обман, и жизнь –
мгновенье...»*

Эта история произошла в далеком 1994 году, когда цитрат силденафила, ставший известным миру под коммерческим названием «Виагра», проходил клинические испытания...

На двенадцатом году совместной жизни у мужа Илоны Аркадьевны начались проблемы с эрекцией. Раз списали на усталость, другой – на отсутствие настроения, в третий раз, почувствовав близость очередного фиаско, Илона Аркадьевна сказала, что предпочла бы выспаться, поскольку завтра предстоит тяжелый день, но через два месяца стало ясно, что нужно принимать какие-то меры.

Илона Аркадьевна работала инженером-технологом на Первом химфармзаводе, то есть была человеком, близким к медицинским кругам. Она показала мужа двум светилам урологии, а заодно и сама проконсультировалась у специалиста по психологии семейных отношений (в то время их можно было перечесать по пальцам). Оба уролога сошлись на том, что расстройство обусловлено не столько физиоло-

гическими, сколько психологическими причинами, а психолог посоветовал Илоне Аркадьевне всячески разнообразить интимную жизнь. Разнообразить, так разнообразить. Илона Аркадьевна встретилась с одноклассницей Аней Оноприенко, торговавшей своим пышным телом еще со школьных времен, и попросила ее поделиться сокровенными профессиональными знаниями. Добрая Аня не только поделилась, чем могла, но и по-свойски предложила помочь – мол, если уж мне не удастся расшевелить твоего гуся, то на нем, как на мужчине, можно ставить крест. Илона Аркадьевна от помощи отказалась, но советы приняла к сведению. Аня особенно рекомендовала спонтанный (вроде бы как спонтанный) утренний секс.

– Бери его за жабры, пока он еще не до конца проснулся, и пользуйся в свое удовольствие, – говорила она. – Утренний мужик – самый сладкий.

Увы, и Анина наука не помогла. В принципе, после долгих стараний и ласковых уговоров можно было достичь кое-какого результата, но именно что кое-какого – вялого и непродолжительного. Вдобавок сама Илона Аркадьевна к тому моменту перегорала настолько, что ей хотелось не любви, а стакана холодной водки под соленый огурчик.

Вообще-то проблема решалась просто – заменой объекта. Но...

А теперь, как и положено, будет самое важное.

Но Илона Аркадьевна любила своего мужа и продолжала

любить, несмотря на сложившиеся обстоятельства. Он был такой милый, уютный, хорошо изученный, короче говоря – свой. И мальчик Сережа, их сын, тоже любил папу. Надо сказать, что муж Илоны Аркадьевны был довольно неплохим отцом – с удовольствием общался с сыном, помогал собирать модели самолетов, приобщал к рыбалке (в хорошем смысле этого слова – то есть учил ловить рыбу, а не бухать на природе).

Опять же – квартира. Три комнаты, большая лоджия, высокие потолки. И не где-то в Зажопино, а на Воронцовской улице, то есть – практически в центре. Разменивать жалко, к тому же нельзя уезжать далеко от школы, в которой учился Сережа. Школа была особенная, с углубленным изучением языков и хорошим «центровым» контингентом. В свое время Илоне Аркадьевне пришлось приложить много усилий для того, чтобы устроить сына туда. Ну и вообще Илоне Аркадьевне хотелось, чтобы жизнь катилась по привычной колее. Пусть большой мир меняется, как ему вздумается, а свой маленький мирок должен оставаться таким, каким его создали.

Короче говоря, пришлось прибегнуть к последнему (на то время) средству – инъекциям папаверина в член. Папаверин обладает сосудорасширяющим действием, он расширяет резервуары, в которые поступает кровь, увеличивая тем самым приток крови к мужскому достоинству. Эффект практически моментальный. Не успеешь использованный шприц вы-

бросить, как маленький друг готов к бою, причем готовность эта после эякуляции практически не снижается, что открывает перед мужчиной новые возможности. Разумеется, в бочке меда должна присутствовать и ложка дегтя. Со временем на фоне регулярных инъекций могут развиваться склеротические изменения, но до этого, как говорится, еще дожить нужно. И не факт еще, что инъекции придется делать постоянно. Они избавляют мужчин от тревоги «получится или нет», в результате чего начинает получаться само собой. «Не берите в голову», если кто не в курсе, это универсальная рекомендация на все случаи жизни. Правда, многих коробит сама мысль о инъекциях, да еще и в такое место, но игра определенно стоит свеч.²

Совместив рекомендации уролога и психолога с советами Ани, Илона Аркадьевна разработала особый церемониал для знакомства мужа с папаверином. Отправила сына на выходные к свекрови, в субботу утром встала пораньше, привела себя в полный порядок, надела красивое кружевное белье, накинула сверху короткий полупрозрачный халатик и явилась в спальню этакой обворожительной нимфой. Нет – скорее не нимфой, а валькирией, потому что настрой у нее был боевой.

– Я хочу станцевать для тебя, – заявила она разбуженному

² Автор считает необходимым обратить внимание читателей на то, что любые лекарственные препараты вводятся в организм ТОЛЬКО ПО НАЗНАЧЕНИЮ ВРАЧА. Самолечение чревато нехорошими последствиями, имейте это в виду.

мужу. – Ты не против?

Муж молча таращил глаза. Илона Аркадьевна включила магнитолау (тогда еще были магнитолаы!) и начала танцевать под тягуче-томную музыку. Развязав поясок халата, она вдруг остановилась, вырубилла музыку и сказала:

– Я так не могу. Боюсь, что ты набросишься на меня и не дашь закончить танец. Можно привязать тебя к кровати? Так мне будет спокойнее...

Истолковав молчание обалдевшего мужа как знак соглашения, она связала его запястья пояском, а затем привязала руки к опоре спинки кровати.

– Мне неудобно, – сказал муж.

– Терпи! – Илона Аркадьевна игриво усмехнулась. – Я хочу тебя немного помучить...

К концу танца, растянувшегося чуть ли не на четверть часа, муж нешуточно распалился – глаза загорелись, лицо покраснело, дыхание стало прерывистым. Однако же орудие любви оставалось вялым, в чем Илона Аркадьевна убедилась, стянув с мужа «семейники».

– Сейчас я покажу тебе фокус! – Илона Аркадьевна достала из ящика своей прикроватной тумбочки маску для сна и надела ее на голову мужа. – Не двигайся, а то все испортишь.

Технику внутримышечных инъекций Илона Аркадьевна освоила два года назад, когда сын болел пневмонией. Ну и вдобавок попрактиковалась на морковке (ничего лучше под рукой не нашлось). Дело-то несложное, главное – воткнуть

иглу в нужное место под правильным углом. Игла была тонкой, предназначенной для введения инсулина, но муж от укола дернулся так, что чуть было не своротил спинку кровати.

– Все хорошо, – успокоила его Илона Аркадьевна, легонько сжав левой рукой «орудие». – Все хорошо...

Эффект, несмотря на то что был ожидаемым, произвел на Илону Аркадьевну ошеломляющее впечатление. Она уже и забыла, когда наблюдала подобную готовность. Сняв с мужа маску, Илона Аркадьевна позволила ему с полминуты полюбоваться результатом (это полезно), а потом перешла к дразнящим ласкам, которые очень скоро привели мужа в состояние полного иступления. Мощным рывком он высвободил руки, схватил Илону Аркадьевну и воздал ей все недополученное за последние полгода. Потом чуточку передохнул, восстанавливая дыхание, и выплатил проценты. Короче говоря, замучил до потери сознания в прямом смысле слова – после пятого оргазма Илона Аркадьевна на некоторое время задержалась где-то там, в горных высях.

– Что ты со мной сделала? – спросил муж, когда она вернулась в реальность.

Илона Аркадьевна прочла ему короткую лекцию, трижды проговорив, что место инъекции нужно хорошенько протереть спиртом, а за иглу ни в коем случае нельзя хвататься руками. Мужчины – они же такие безалаберные...

– Давай лучше ты будешь это делать, – предложил муж. –

А то мне как-то боязно.

Но со временем по привычке и начал колотиться самостоятельно, чему Илона Аркадьевна была рада, поскольку медицинская прелюдия слегка сбивала ее с нужного настроения.

Пели в небесах ангелы, радуясь гармонии, установившейся в семействе Сапожковых...

Вы, наверное, догадались, каким будет окончание этой фразы. ...А дьявол, тем временем, плел свои гнусные козни, которые довели мужа Илоны Аркадьевны до приемного покоя. Точнее, это сама Илона Аркадьевна его довела... Впрочем, лучше рассказывать по порядку.

С определенных пор Илона Аркадьевна начала подозревать, что в жизни ее мужа появилась другая женщина. Первой сработала интуиция – у любимого как-то внезапно побавилось энтузиазма, а затем логика начала подкидывать один довод за другим. С чего бы вдруг бухгалтеру совместного российско-итальянского торгового предприятия вдруг понадобилось засиживаться на работе ночами? Много новых договоров? Это ж сколько их должно быть, чтобы так вкалывать? И почему столь резкий рост оборотов никак не отражается на зарплате героического труженика? Ладно, пропустим... А с чего это вдруг милый друг занялся обновлением гардероба? По жизни предпочитал практичные недорогие вещи, мог проносить один костюм четыре года, а теперь вдруг стал записным щеголем? Завел рубашки под запонки, галстуки начал закалывать булавками и (о, Господи!) начал

делать маникюр. Положение обязывает? Да начальству, что московскому, что миланскому, начхать на то, как выглядит бухгалтер! Он же не общается с клиентами и не представляет фирму на конференциях. Главное, чтобы баланс сошелся и все лишние концы были бы надежно подчищены. Ладно, пропустим и это, вдруг человеку просто захотелось выглядеть импозантно, чисто для самоуважения...

Из отдельных кирпичиков постепенно складывалась стена недоверия. Дошло до того, что Илона Аркадьевна, презирая себя и ругая последними словами, залезла в портфель мужа, пока тот принимал душ. На самом дне, под бумагами, обнаружился явные доказательства супружеской неверности – презервативы, три одноразовых шприца, початая упаковка ампул папаверина и флакон с асептическим препаратом «Инфасепт». «Инфасепт» умилил особо – коварный изменщик не только пользовал любовницу в презервативе, но и пасть после секса полоскал асептиком, чтобы не принести законной супруге чужой микрофлоры. Похвальная предусмотрительность!

Когда-то муж устроил на свою фирму водителем мужика из соседнего подъезда, с женой которого Илона Аркадьевна была шапочно знакома. Узнав о проблеме, соседка прониклась сочувствием и вытрясла из своего супруга нужную информацию. Да – имеет место быть служебный роман. С менеджером по закупкам, броской тридцатилетней красоткой, которая полгода назад развелась с мужем. Вот же курва – со

своим развелась и сразу же захомотала чужого!

Попытка вызвать изменщика на прямой разговор потерпела фиаско. Тот сначала изобразил недоуменное непонимание – о чем это ты? – а затем устроил скандал в стиле: «как ты могла такое подумать?!». У Илоны Аркадьевны хватило ума промолчать о том, что она узнала от соседки и о том, что было найдено в портфеле. Не хотелось обострять отношения до предела, поскольку по реакции мужа стало ясно, что роман у него «проходной» – поиграет-поиграет, да наиграется. В принципе, его можно было понять. Мужик обрел состоятельность после длительного периода несостоятельности и пустился во все тяжкие, желая доказать себе, что он еще ого-го какой и что пороку в его пороховницах предостаточно.

После долгих размышлений Илона Аркадьевна решила, что один раз – не... Ну, вы понимаете. Можно простить, с кем не бывает. Муж, конечно, поступил по-свински, особенно с учетом того, что это она вернула ему состоятельность, но у них ребенок, они притерлись друг к другу за годы совместной жизни, да и квартиру разменивать не хочется и вообще все мужики – кобели. Стремление оплодотворить как можно больше самок заложено в них природой, а против природы не попрешь. Презервативы и «Инфасепт» тоже говорили в пользу мужа – все-таки не совсем голову потерял, проявляет заботу о супруге.

Но «простить» не означает «спустить на тормозах». Урок гуляющему коту преподать нужно, причем такой, чтобы он за-

помнил его на всю жизнь. Но при этом не хотелось афишировать свое знание, а по большому счету вообще хотелось остаться в стороне. Лучше не обострять, разве не так?

Задача была сложной, похожей на «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Но Илона Аркадьевна недаром когда-то побеждала на математических олимпиадах (правда в конечном итоге поступила на биофак, а не на мехмат). Решение она нашла быстро, причем – весьма элегантное при всем своем коварстве. Возможно, кому-то оно могло показаться жестоким, но кто-то из китайских мудрецов однажды сказал, что во вразумлении неразумных много справедливости и мало человеколюбия.

Завод, на котором работала Илона Аркадьевна, помимо прочего выпускал и двухпроцентный раствор папаверина в ампулах, тот самый, что использовался для достижения эрекции. Производство было поточным, но при желании можно сделать, что угодно. Как говорят сантехники (и не только они): «Все определяется полнотой налитого стакана». За бутылку армянского коньяка Илоне Аркадьевне изготовили десять особых ампул, по внешнему виду ничем не отличавшихся от обычных. Только вот концентрация папаверина была иной – восемь процентов вместо положенных двух.

Подмена прошла гладко. Шесть штук осталось в запасе, потому что в упаковке, которая лежала в портфеле, было всего четыре ампулы. Оставалось дожидаться результата, кото-

рый должен был наступить очень скоро – муж предупредил, что завтра ему снова придется работать «до зари». «А может и не придется», – ехидно подумала Илона Аркадьевна и поспешила отвернуться, чтобы не выдать себя взглядом или невольной улыбкой.

Приапизм (так, в честь древнегреческого бога плодородия Приапа, называется патологически длительная эрекция) – состояние крайне неприятное, болезненное. И чем дольше сохраняется напряжение, тем сильнее становится боль. В общем, все хорошо в меру, а сверх меры уже не хорошо. К тому моменту, когда стало ясно, что нужно вызывать «скорую», неверный муж мог только лежать на спине и стонать. В сидячем положении боль усиливалась и начинала отдавать в спину, а о том, чтобы встать и пойти, не могло быть и речи. Лежал он в квартире любовницы, на пятом этаже безлифтового сталинского дома. В скорпомощную машину страдальца несли на носилках, прикрыв простыней, потому что никакой другой одежды на свои многострадальные чресла он надеть не мог. Дело было утром, в седьмом часу, многие соседи выглядывали на шум и удивлялись – ну и дела! – но страдальцу, одурманенному обезболивающими препаратами, было не до таких мелочей.

Правда, в приемном покое шестьдесят восьмой больницы он прочухался и устроил скандал, требуя, чтобы в истории болезни указали, что его привезли в больницу из здания научно-исследовательского института бетона, находящегося на

пересечении Рязанского проспекта со Второй Институтской улицей, а не из жилого дома в Бронницком переулке. Вообще-то в историях болезни такие подробности не указывают, записывают только адрес места жительства, но тут уж дежурный врач разозлился на скандалиста и записал, что пациент доставлен из такой-то квартиры такого-то дома, где он находился в гостях у своей подруги. А дежурная медсестра, еще более вредная, чем доктор, позвонила Илоне Аркадьевне и выложила ей все подробности, включая и описание внешности дамы, сопровождавшей ее мужа.

– Такая вся из себя лахудра, воображения как у английской королевы, а нос, как у Буратино и ноги кривые!

Услышав это, Илона Аркадьевна довольно улыбнулась. У нее был правильный, можно сказать – классический нос, и длинные стройные ноги. И никто никогда не называл ее «лахудрой». Всяко-разно обзывали – и «сукой», и «стервой», и «сволочью», но не «лахудрой».

* * *

Мораль сей притчи такова: «любовь» и «обман» – не самое лучшее сочетание. Скажем прямо – никудышное. Банально? Нет – жизненно!

Как-то так.

Притча пятая. Принцесса и рыцарь

*«Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на всё...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твоё!»*

Марина Цветаева, «Лесное царство»

В каждой профессии есть свои ништяки – неофициальные приятные выгоды. Для Геннадия Маратовича ништяком были романы со студентками. В рамках приличия, без какого-либо харрасмента или принуждения. Если два взрослых человека тянутся друг к другу, то какое значение имеет их статус? Где вообще сказано, что доценту кафедры нельзя влюбляться в студенток или, наоборот, студенткам нельзя влюбляться в своих преподавателей? Давайте не будем ставить на одну доску Принуждение и Чувство. Геннадий Маратович никогда не принуждал никого к любви, это недостойно и вообще невкусно. Как можно требовать секс за зачет или за отличную оценку? К любви не принуждают, любовью одаривают... Улавливаете разницу? Что же касается зачетов и оценок, то в этом смысле Геннадий Маратович вообще был не жадным. Для получения у него удовлетворительной оценки достаточно было объяснить разницу между финансированием и кредитованием. Знание источников финансового права гарантировало оценку «хорошо», ну а если студент мог ска-

зять нечто внятное по всем вопросам своего экзаменационного билета, то он получал «отлично». Геннадия Маратовича регулярно критиковали за чрезмерный либерализм (даже сам ректор выражал недовольство), но толку от критики не было никакого. Известно же, что горбатого только могила исправит. Во всех смыслах.

– И что девки так к тебе липнут? – удивлялась жена.

– Чуют доброго человека, – отшучивался Геннадий Маратович.

Внешность у него была неброская. Достоевский или, скажем, Тургенев, описали бы Геннадия Маратовича как «невзрачного блондина с большими голубыми глазами». Но дело было не в глазах, и не в доброте, как таковой, а в отношении к пассиям. Рядом с Геннадием Маратовичем женщины чувствовали себя принцессами, самыми-самыми, единственными и несравненными. Это подкупает, восхищает и располагает. К супруге Геннадий Маратович относился точно так же, его широкой души хватало на всех. Благодаря такому отношению супруга долго смотрела сквозь пальцы на его амурные похождения. Мол, у нас все серьезно, а на стороне – простой кобеляж. Но с годами, по мере того как начала проигрывать студенткам в сравнении, стала нервничать, а в преддверии климакса превратилась в сущую фурию, в сравнении с которой Отелло выглядел наивным добряком. Малейшее подозрение, не имевшее под собой никаких оснований, могло стать поводом для грандиозного скандала с би-

тьем посуды, разрыванием одежд и угрозами «одним разом покончить со всем этим кошмаром», то есть – покончить с собой. Радовало только одно – фурия очень скоро превращалась в ласковую кошечку. Выплеснет накопившееся, проплачется – и приходит каяться. «Прости, милый, сама не знаю, что на меня нашло. Давай ужинать...». Или обедать, или завтракать – буря могла подняться в любое время суток, в том числе и ночью. Увидит несчастная женщина во сне, как ее муж развлекается с юными нимфами, проснется – и обрушит на него свой праведный гнев.

Развод, пожалуй, был бы лучшим выходом из сложившегося положения, но ему препятствовали некоторые соображения. При разводе Геннадий Маратович лишился бы не только жены, но и двух дочерей – старшекласниц, которые всецело были на стороне матери. Старшая, Ирочка, даже пыталась делать отцу замечания, на которые Геннадий Маратович, при всей своей доброте, реагировал крайне раздраженно. Нечего, мол, яйцам курицу, то есть – петуха, учить. Супруга сгоряча действительно могла бы сотворить с собой что-то нехорошее. Во всяком случае, Геннадий Маратович верил, что на пике эмоций, на настоящем пике, вызванном разводом, она может оказаться способной на такое. И главное – Геннадий Маратович любил свою жену, до сих пор любил так же, как и в самом начале. Вот как влюбился с первого взгляда, так и продолжал любить. И девочек своих нежных он тоже любил, ведь одно другому не мешает. Короче го-

вора, Геннадий Маратович был типичным полиамористом. Люди же разные. Одни считают слово «полиамория» эвфемизмом для слова «разврат», а другие признают за ней право на существование. У Геннадия Маратовича даже шуточка была по этому поводу – если любовь к детям может делиться на несколько объектов, то почему не могут делиться другие разновидности любви? Знаете, чем хороший юрист отличается от плохого? Хороший юрист всему найдет обоснование. А Геннадий Маратович был хорошим юристом, только вот карьера у него не заладилась – слишком уж много сил растрачивал он на свои романы.

Люди разные и любовь к ним бывает разной. Иногда в жизни Геннадия Маратовича случались особо яркие вспышки, такие, которые отодвигают в сторону все прочие аспекты бытия и толкают на самые, что ни на есть, безрассудные безумства.

Милочка Храмушкина не вошла, а буквально ворвалась в жизнь Геннадия Маратовича. Увидев ее на вводной лекции, он уплыл мыслями далеко-далеко от финансов и финансового права. Вообще-то Милочку звали Ольгой, но ласковое «Оленька» не могло передать ни ее очарования, ни тех чувств, что испытывал к зеленоглазой рыжеволосой чаровнице Геннадий Маратович. Только – Милочка и никак иначе, уж очень она была милая, с какой стороны ни взглянуть. Красавица, интеллектуалка, с чувством юмора и характер спокойный. Последнее качество Геннадий Маратович ценил

очень высоко (нужно ли объяснять почему?).

В амурных делах Геннадий Маратович предпочитал не спешить. Выражаясь военным языком, он был сторонником длительной, хорошо подготовленной осады, а не лихих натисков. Натиск – это лотерея, никогда нельзя быть уверенным в успехе. Простейший пример – вдруг у дамы сегодня критический день или просто живот «подкручивает» после съеденного в буфете салата? Она же, скорее всего, не станет вдаваться в подробности, а просто не пойдет навстречу твоему порыву. И что тогда? Предпринимать второй натиск? Как-то уже не очень, после первого облома. Осадочек в душе остается. Утонченные натуры поймут...

А если не торопиться, то можно исключить все случайные факторы и быть уверенным в успехе. Опять же, предвкушение удовольствия в некотором смысле вкуснее него самого. Истомишься-изведешься, а потом как бросишься в этот сладостный омут... М-м-м! О-о-о! Ух! Ах!.. Короче говоря, слов нет, одни междометия.

А еще лучше, если бабочка уже летит на свет, а ты слегка отодвинешь лампу назад или вовсе погасишь ее на какое-то время. Женщин это заводит невероятно, особенно тех, кто привык побеждать. На зачете Милочка отвечала последней – явно, сама так подгадала, чтобы остаться с Геннадием Маратовичем наедине. Многообещающе стреляла глазками, пленительно облизывала губы кончиком розового языка и игриво накручивала на палец свои огненные локоны... Отве-

чала хорошо – уверенно, обстоятельно, но без словоблудия, строго по делу. Геннадий Маратович похвалил Милочку за усердие, восхитился остротой ее ума, выразил уверенность в том, что она далеко пойдет и вместо: «я тебя люблю», сказал в завершение: «хороших вам каникул». Милочка ушла растерянной, даже обернулась с порога. Геннадий Маратович приветливо ей улыбнулся и слегка удивился тому, как громко она хлопнула дверью – не ожидал такой горячности.

То был скрестный шаг назад, как сказали бы фехтовальщики. А в начале следующего семестра последовал решающий выпад. Самое важное Геннадий Маратович предпочитал выражать взглядом, а не словами. Вроде бы случайно столкнулся с Милочкой в коридоре, посмотрел в ее ведьминские глаза – и понеслась душа в рай!

Роман вспыхнул во вторник, а в пятницу с Геннадием Маратовичем случилась беда – продырявилась язва двенадцатиперстной кишки, о существовании которой он и понятия не имел. Да, представьте, язвы могут быть «немыми», не причиняющими никаких неудобств до поры до времени. Зато, как причинят, так за все годы молчания отыграются разом.

К счастью, все обошлось благополучно, спасибо вовремя приехавшей «скорой» и хирургам шестьдесят четвертой московской больницы. Пережитое потрясение привело Геннадия Маратовича к пониманию того, что все может закончиться в любой момент. Все-все-все! Нет, он и раньше знал,

что человек смертен, и, к особому сожалению, смертен внезапно (Булгаков значился у Геннадия Маратовича одним из любимых писателей).³ Но одно дело знать, и совсем другое – прочувствовать на своей шкуре. Сидишь за столом в рабочем кабинете и вдруг тебя пронзает острая боль... Пронзает и швыряет в темноту... В этот раз повезло – вытащили. А что будет в следующий? Вывод из подобного опыта всегда один, и весьма, надо сказать, правильный – нужно каждый день проживать, как последний.

На второй день после перевода из реанимации в хирургическое отделение к Геннадию Маратовичу пришла Милочка. Сосед по палате, сорокалетний труженик общепита, увидев ее, потерял дар речи. От восторга, ясное дело, и немножко от зависти. Чтобы поговорить наедине, Геннадий Маратович вывел Милочку в коридор, в конце которого был укромный закуток с двумя банкетками. Милочка сбивчиво говорила о том, как она сначала испугалась, а потом обрадовалась, говорила, что не представляет себе жизни без Геннадия Маратовича, что она готова на все и согласна тоже на все... Ну и так далее. Монолог завершился слезами. В тот момент, когда Милочка рыдала у него на плече, Геннадий Маратович испытал невероятно сильный, прямо-таки юношеский, прилив желаний и порадовался тому, что пережитые страдания никак не сказались на потенции.

³ «Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!». Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита».

Пуркуа бы и нет? Врачи советовали воздерживаться от алкоголя и пищи, оказывающей травмирующее действие на слизистую оболочку пищеварительного тракта, но не от любви. И, вообще, можно же осторожненько... В тот же вечер Геннадий Маратович обсудил проблему с дежурным врачом, общительным ординатором второго года. Тот подсказал выход. В приемном отделении есть так называемый изолятор – две палаты для пациентов с подозрением на инфекционное заболевание. Большую часть времени изолятор пустует, а такое, чтобы одновременно были заняты обе палаты, случается крайне редко, реже майского снегопада. Поговорите с сотрудниками, в приемном работают понятливые люди, специфика там такая.

Геннадий Маратович поговорил – и договорился. Немного смущало, как к предложению секса в столь необычных условиях отнесется Милочка – девушки они же такие привереды – но Милочка отнеслась с энтузиазмом. Сказала, что с любимым мужчиной она готова любиться всюду, хоть на крыше во время бомбежки. Милочка в тот момент перечитывала «На Западном фронте без перемен», отсюда и такие сравнения. Простимулированные дежурные медсестры и сосед по палате должны были говорить супруге Геннадия Маратовича, если та заявится в его отсутствие, что ее муж ушел на физиотерапию. По сути, версия была достоверной, поскольку любовные упражнения можно считать одним из физических методов лечебных методов. При каждой палате

имелся отдельный санузел с душем, так что чужих запахов Геннадий Маратович в палату не приносил (его супруга отличалась невероятно острым обонянием).

И все было бы хорошо... Да вышло нехорошо. Совершенно случайно, из разговора двух медсестер, ехавших вместе с ней в лифте, супруга Геннадия Маратовича узнала о том, что физиотерапевтическое отделение работает до шестнадцати часов. Мужу она ничего не сказала, но взяла в оборот одну из дежурных сестер. Та сначала отнекивалась, но перед пяти тысячной купюрой устоять не смогла и выдала Геннадия Маратовича с потрохами, то есть – с явками (совет всем читателям: если вам очень нужна информация, то денег жалеть не следует).

Мать несчастной страдальицы происходила родом из одного симпатичного южного города, название которого автор толерантно предпочел бы не оглашать, чтобы не нанести обиды жителям других городов, в которых столь же строго блюдутся нравственные традиции. В детстве страдальица каждое лето отдыхала у дедушки с бабушкой, живших в собственном доме близ моря. По вечерам на террасе собирались соседки – почесать язычки и полюбоваться видом на море. Девочка жадно внимала разговорам взрослых – интересно же. Время от времени всплывала тема наказания очередной блудницы, покусившейся на незыблемость семейных устоев. Вариантов наказания было два – коллективный и одиночный. При коллективном родственницы и подруги пострадавшей стороны

держали блудницу, пока мстительница выдирала ей руками волосы. Если необходимый кворум не набирался или же просто не хотелось марать руки, то мстительница плескала в лицо блудницы концентрированной кислотой, серной или соляной.

– Какой ужас! – сказала девочка бабушке, впервые услышав о подобной мести.

– Ужас – это когда семью разрушают, отнимают у детей отца и плюют на очаг! – строго возразила бабушка. – А это называется «справедливость». Чтобы больше никто на ее поганую морду смотреть не захотел!

«Я так за него переживаю! – накручивала себя законная супруга. – Места себе не нахожу... Каждый день свежий кисель готовлю и шиповник завариваю... Стараюсь всячески порадовать, поддержать... А он! Если так уж приспичило, то мог бы и мне сказать... Я с ним кручусь-верчусь-колочусь, а он за моей спиной какую-то курву ублажает... И ведь хватает же сил!.. И ведь нашел же способ!.. Ну ладно – он. Мужики все одним миром мазаны, им лишь бы свой фитилек в плоску пристроить... Но она-то должна понимать... Ой, да разве такие что-то понимают? Им лишь бы меду наестся из чужого горшка!».

Супруга Геннадия Маратовича была журналисткой и имела обширные связи, поэтому концентрированную серную кислоту ей удалось раздобыть без особого труда и лишних объяснений. Нужно хорошему человеку – так пожалуйста.

Сложность оказалась в другом – переступить через внутренний барьер, но оскорбленная женщина справилась и с этим. Это же – справедливость, да и мужу будет урок. Может и образумится, чем черт не шутит. Юридических последствий она особо не боялась. Во-первых, рассчитывала выехать на аффекте, а, во-вторых, надеялась на связи мужа. На деле оба этих резона выглядели крайне сомнительными. О каком аффекте может идти речь, если человек действует с обдуманном намерением, заранее запасшись веществом, которое просто так в аптеке не купишь? Тут налицо умысел, это вам любой студент-юрист объяснит. И станет ли мужчина выгораживать супругу, облившую кислотой дорогую его сердцу женщину? Но бывают моменты, когда логика... хм... слегка пробуксовывает. И вообще человек склонен верить в лучшее. «Надежда умирает последней», сказала Вера, придумав Любовь.

Милочка проявляла в любовных играх благоразумную осторожность. Как-никак любимый мужчина совсем недавно перенес довольно серьезную операцию. Вдруг швы разойдутся от излишней прыти или что-то там внутри травмируется? Поэтому Милочка брала всю инициативу на себя, а Геннадия Маратовича просила «быть паинькой». Он не возражал – ему очень нравилось.

Мстительница ворвалась в палату в тот момент, когда Милочка приступила к повторному сеансу оральных ласк. Грохот распахнувшейся двери заставил ее соскочить с койки.

Геннадий Маратович тоже поднялся и машинально потянул за собой простыню. Ему казалось, что все это происходит во сне, потому что он никак не ожидал увидеть здесь свою супругу, да еще и в таком виде – ярость исказила ее черты до полной неузнаваемости.

Двухместные палаты изолятора были небольшими. Один шаг – и мстительница оказалась напротив Милочки.

– Получай, тварь! – взвизгнула она, выбрасывая вперед правую руку.

Геннадий Маратович, решивший, что супруга хочет ударить Милочку, поступил по-рыцарски – заслонил принцессу своим телом и оттеснил ее назад. Супруга тоже сплеховала – с непривычки взмахнула рукой не так сильно, как следовало. В результате кислота, предназначавшаяся Милочке, выплеснулась на мужское достоинство Геннадия Маратовича, еще не успевшее перейти из боевого положения в обычное...

– Что у нас вчера было! – рассказывала мужу за ужином отдежурившая медсестра приемного покоя. – Романыч пускал в изолятор одного чувака из абдоминальной хирургии, с любовницей. А жена чувака их выследила. Вломила в самый интересный момент и вылила мужу на причиндал пузырек серной кислоты!

– Ничего себе! – ужаснулся муж. – Это же, наверное, очень больно!

– Не то слово, – рассказчица сочувственно вздохнула. – Он, бедняга, от боли инфаркт получил, крупноочаговый. И

инструмента лишился вместе с яйцами... Знаешь, я чисто по-женски ее понимаю, но по-человечески понять не могу.

– Это как?

– Обидно, когда тебе изменяют, очень, до слез. В таком состоянии много чего можно натворить. Но кислотой по живому – это уже зверство. Лучше в чай мышьяка подсыпать... Да ты не смотри так на свою чашку! У нас же с тобой все хорошо, правда, милый?

* * *

Мораль сей притчи такова: даже в праведном гневе не стоит перегибать палку. И еще, как пелось в одной старой песне: «во всем нужна сноровка, закалка, тренировка».⁴

Как-то так.

⁴ В. Лебедев-Кумач, «Во всем нужна сноровка».

Притча шестая. Наваждение

«Я сошла с ума, о мальчик странный,

В среду, в три часа!

Уколола палец безымянный

Мне звенящая оса»

Анна Ахматова, «Я сошла с ума, о мальчик странный...»

Карьера доктора Плугарёва оказалась перечеркнутой буквально накануне назначения на должность заведующего отделением. Все уже было взвешено и решено, оставалось дожидаться приказа. Точнее, двух приказов – об увольнении прежней заведующей Юлии Самойловны, переезжавшей в Землю Обетованную к дочери и внукам, и о назначении Плугарёва. Тот уже и насчет банкета договорился. Ну, банкета не банкета, а ужина на двенадцать персон в отдельном зале кафе «Шагандухт». Событие-то какое, а! Можно сказать – венец карьеры. Выше Плугарев продвигаться не собирался, поскольку это означало бы отход от лечебной работы, а лечить он любил. И умел.

Однако, вместо заведования Плугарев получил выговор, сопровождаемый напутствием свыше (то есть – из департамента здравоохранения): «от таких врачей нужно избавляться». За что получил? Да ни за что! Сделал все правильно – и огреб люлей по полной программе.

Пациент Алямовский предпочитал лечиться по принципу «кашу маслом не испортишь». Таблетки он пил горстями, не обращая внимания на то, что ему говорили врачи. У нас ведь только на словах все мало-мальски действенные препараты отпускаются по рецепту врача и вообще, тот, кому действительно нужно, всегда найдет способ.

При таком подходе слабость, общее недомогание и частые головокружения будут постоянными спутниками. Как с ними бороться? Странный вопрос! Нужно увеличивать дозы! Там, где не помогают три таблетки, помогут шесть. Или десять...

Обожравшись (иначе и не скажешь) таблеток в очередной раз, Алямовский был экстренно госпитализирован с подозрением на острый инфаркт миокарда. А о чем еще подумает бригада, если человек внезапно теряет сознание и давление у него по нулям? Жена Алямовского не рассказала «скорикам» о чрезмерном увлечении мужа таблетками, она талдычила про то, что он «сердечник со стажем» и «несколько инфарктов на ногах перенес». (Возможно, правы те врачи, которые услышав о перенесенных на ногах инфарктах сразу же назначают консультацию психиатра, но это так, к слову).

Плугарев отрегулировал терапию, привел Алямовского в стабильное состояние и выписал в положенный срок со спокойным сердцем. Надо сказать, что в отделении Алямовский особо не возникал и, в целом, производил впечатление неконфликтного человека. Как оказалось, он просто берег

силы для решающей атаки и собирал материал. Заодно заручился поддержкой двоих соседей по палате – маразматичного деда Загайнова и алкаша Демченко, который за бутылку готов был продать все, начиная с родной матери и заканчивая родной страной. Но на бумаге оба выглядели весьма достойно. Загайнов – подполковник в отставке, «афганец», перечень наград укладывается в восемь строчек. Демченко тоже не лыком шит – участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, кандидат химических наук, награды тоже имеются, правда поменьше, чем у Загайнова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.